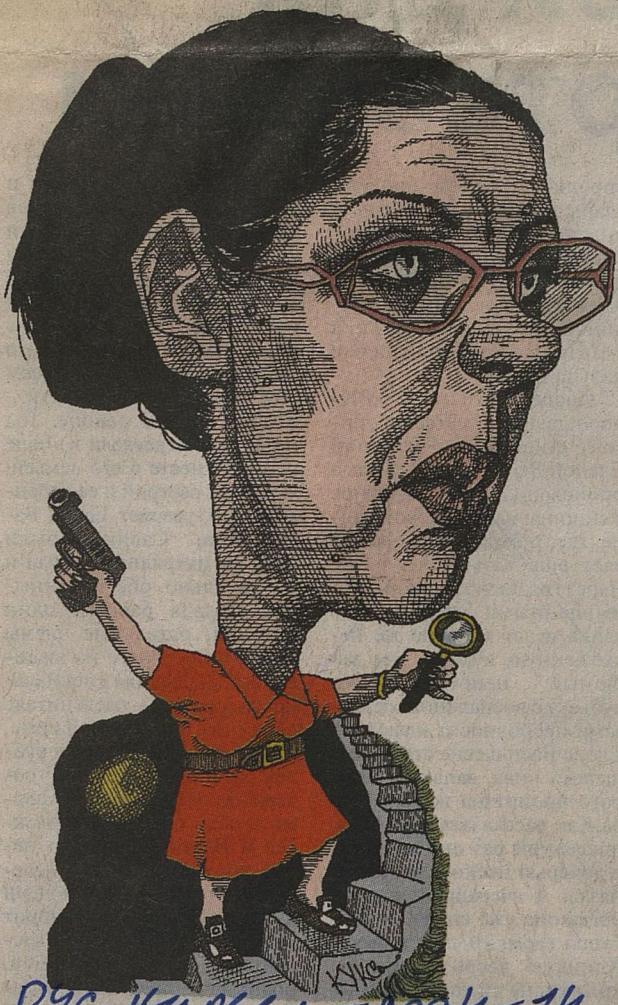

Mapinguari

**Александра Маринина:
«Ненавижу, когда меня используют»**

*Старая пятиэтажка
в элитном районе
на Чистых прудах.
Набираю условный
номер, из домофона
доносится слегка
приглушенный голос:
«Поднимайтесь,
пожалуйста, я вас
жду». Обыкновенный
подъезд, без зеркал
и консьержек,
разговор двух
немолодых людей
на лестнице про то,
что хлеб и дальше
будет дорожать...
Дверь открывает
импозантный
мужчина –
как выясняется,
литературный агент,
предлагает тапочки
и кресло, –
и уже через минуту
напротив меня
присаживается
первая леди русского
детектива
Марина Анатольевна
Алексеева,
в миру известная как
Александра
Маринина.*

Окончание на стр. 8

Другая жизнь

«Ненавижу, когда меня используют»

Окончание.
Начало на стр. 8

— Последнее время вас совсем не видно на публике. Устали от внимания?

— Не люблю шумные тусовки, я домашний человек. На людях появляюсь только при наличии уважительной причины — например, на презентации своей книги — было бы странно, если бы меня там не было. А вообще я ленивый человек. Сидеть и работать — это пожалуйста, а вот встать и пойти куда-то...

— Вы были первой среди авторов статьи популярных в России детективов. Когда начинали писать, сразу задумали серию романов?

— Нет, что вы, когда я написала первую вещь, я и не предполагала, что будет вторая. У меня никогда не было четкой цели, какого-то плана, тем более писательских амбиций — этого нет и сейчас. Каждую свою книжку я пишу, понимая, что она может стать последней, — сейчас у меня есть мысль, идея, но когда допишу, не факт, что появится следующая. Поэтому я всегда подписывала авторский договор на готовую рукопись — и никогда по-другому. Кроме того, когда я начинала писать, я ведь еще и работала в милиции, а служба непредсказуема: сегодня ты занят с девяти до шести, завтра тебя переводят на режим, и ты находишься на работе с девяти до двенадцати, невзирая на выходные и праздники, и так каждый день, вплоть до особого распоряжения. Году в 95-м или 96-м у меня день рождения выпал на воскресенье — и как раз грянуло усиление. Представьте себе: лето, июнь, планы на весь день — и тут будьте любезны, к шести часам на работу... Ужасно обидно было! Так что никогда не знаешь, когда и сколько свободного времени у тебя будет, и я сразу предупредила издателей — никаких долгосрочных обязательств.

— «Соавторы» — двадцать пятая, юбилейная книга про Каменскую. Эта торжественная цифра не давила на вас в процессе творчества?

— Да я и не заметила этой знаменательной цифры, написала, а потом мой литературный агент подсчитал и меня поздравил. Так что ничего не успела почувствовать — приехала из осеннего отпуска и за четыре месяца написала.

— Кстати, а заголовки вы придумываете сами?

— Заголовок — это всегда небольшая трагедия. Я придумала даже заголовок, озвучу его издателю — ему обязательно не понравится: «Так нельзя, что это за название!» Помню, к «Иллюзии греха» я придумала штук семь различных названий, но в итоге утвердили все-таки первое. А ведь изменить название — это как ребенка переименовать, я ведь его уже так назвала! Бывает, что название изменяют. Иногда создается фокус-группа читателей, которые не знают, чья это рукопись, и спрашивают их мнение. Книги «Фантом памяти» я сначала называла «Золотой червонец», но у читателей фокус-группы это вызвало определенно блатные ассоциации,

Родилась в 1957 году в Ленинграде. Окончила юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. По распределению попала в Академию МВД СССР. Дослужилась до подполковника милиции. Кандидат наук, имеет свыше 30 научных трудов.

и тогда ее переименовали. Было, что один из издателей читал рукопись и говорил, что книгу надо назвать так и никак иначе — так было с книгой «Реквием», да и с «Соавторами» тоже. В середине работы я сказала издателю название и, как обычно, услышала: «Нет, это слишком коротко, у вас уже был «Стилист», измените». А я подумала — я лучше сначала допишу, а там уже посмотрим. В результате все-таки остались «Соавторы».

— А как вам удобнее писать — за компьютером или по старинке, ручкой?

— Безусловно, за компьютером. Самое большое облегчение — это правка, потому что на машинке букву пропустил — перепечатывать страницу. В далеком 79-м году, когда я начала работать, слова «компьютер» еще и не знали никто, а пищущая машинка была одна на отдел, так что все писали от руки и отдавали все машинистке. Вообще печатаю я хорошо, поскольку тренировки было предостаточно: в детстве я играла на рояле, в школе вместо уроков труда у меня была латинская машинопись, а когда я учились в университете, подрабатывала переводчицей и все свои тексты печатали на недорогой машинке, на которой приходилось работать «на силу». Году в 82-м муж купил мне югославскую машинку «Унис», маленькую, с мягким ходом — ее можно было даже на работу с собой брать, а в 90-м году появился компьютер — ему обязательно не понравится: «Так нельзя, что это за название!» Помню, к «Иллюзии греха» я придумала на машинке, «Игру на чужом поле» полностью написала от руки (муж диссертацию писал), а «Украденный сон» — это отдельная история. Половину я написала на машинке, потому что была в отпуске, а потом меня из него отозвали, и я поехала на месяц в Рим, где на компьютерах не было кириллицы, — пришлось купить блокнот и писать от руки. Зато на гонорар за месяц работы я смогла купить себе первый компьютер и дописала роман уже на нем.

— Как вы ощущали славу, успех в первый раз?

— Вы знаете, я не помню. Это ведь было не внезапно — проснулась знаменитой, и все. Как-то постепенно — сначала один журналист поинтересовался, потом другой, потом 15-секундный репортаж на НТВ... Вот как-то так все и началось, без бурных всплесков.

— А на отношения с друзьями, близкими людьми это как-нибудь повлияло?

— Нет, ничего такого не произошло. У меня всегда был очень узкий круг близких людей, с коллегами я в основном перезванивались по праздникам, а близкая подруга у меня одна, еще с университета — между нами все осталось по-прежнему. Мы с ней никогда не работали вместе, было времена, когда она жила в другом городе, мы с ней тогда перезванивались каждый день — и вот уже 25 лет дружим.

— Какие качества вы больше всего цените в ваших друзьях?

— Тяжелый вопрос... Никогда об этом не думала, но, наверное, есть две самые существенные вещи. Первое: у меня не должно быть чувства, что меня используют. Каким бы чудесным человек ни был, если я почувствую, что меня «имеют», то обязательно буду держать его на расстоянии. Причем это не значит, что я буду относиться к нему плохо — нет, просто близко не подпущу. И второе — это деликатность.

— Как раз с самой близкой подругой у меня однажды случилась такая история: я решила попоститься. В день, когда пост позволял есть рыбу, а мясо — ни в коем случае, я пришла к ней в гости, а на ужин в тот день у нее была утка. Если бы я сказала, что не голодна, мне бы никто не поверил — я пришла прямо с работы. Я постеснялась сказать, что мяса мне сегодня нельзя, и молча съела свой кусок — кстати, было очень вкусно. Через несколько дней я разговаривала с ней по телефону и пожаловалась, что ужасно скучаю по мясу и пирожным — быстрее бы этот пост заканчивался.

— Как же ты у меня на днях утку ела? Да вот, говорю, постеснялась сказать. «Боже мой, а у меня в холодильнике стояла рыба, но она была вячесная, и я постеснялась ее тебе предложить?» Да сих пор смеемся, когда вспоминаем.

— А если серьезно, то мы привыкли быть предупредительными с чужими людьми, а со своими чего перемоняться? Поэтому я всегда ценила людей, которые со своими близкими проявляют повышенную тактичность, и моя Ира как раз такая.

— Многие читатели считают, что Настя Каменская стала слишком «правильной», когда вышла замуж — дескать, разве так бывает в жизни?

— Этому есть вполне понятное объяснение. Я задумала Каменскую не вчера, а двенадцать лет назад, и тогда я ее списывала с себя, а ее Чистякова — со своего мужа. Я имела неосторожность говорить об этом в интервью, и с некоторых пор я просто не могу присписать Насте некоторые

мысли и действия без того, чтобы это не спроектировали на меня.

«Как, — говорит она, — ты постелилась? А как же ты у меня на днях утку ела?» Да вот, говорю, постеснялась сказать. «Боже мой, а у меня в холодильнике стояла рыба, но она была вячесная, и я постеснялась ее тебе предложить?» Да сих пор смеемся, когда вспоминаем.

— А написать серию романов с другим главным героем не хочется?

— Пока нет, хотя это не значит, что мне не захочется этого завтра. Однажды я проснулась и поняла, что хочу написать семейную сагу «Тот, кто знает», где действие происходит на протяжении 35 лет, без всякой Каменской и милиции вообще, — села и написала. Потом опять про Каменскую, а потом решила написать психологическую драму «Фантом памяти», написанную вообще

от лица мужчины. Я никогда не знаю, чего именно мне захочется завтра — именно поэтому я ничего не планирую.

— Вы верите в приметы?

— Верю, но не так, как вы думаете. Люди верят, что если с утра надеть вещь наизнанку, то в этот день они будут биты. А я думаю так: если я с утра надену вещь наизнанку, это значит, что я рассеяна и недостаточно собрана, а раз так, то я обязательно допущу на работе какую-нибудь оплошность, за которую мне попадет. То, что мы называем приметами, — это тысячелетними выверенными закономерностями. Что-то мы можем объяснять на уровне здравого смысла, что-то нет, если это примета передается из поколения в поколение, значит, кто-то ее вывел не просто так. И если мы чего-то не понимаем — это не значит, что этого не существует.

— Какие подарки вы любите получать?

— Я люблю цветы — самые разные, чтобы их было много и они стояли во всех вазах. Еще очень люблю книги — особенно если человек знает,

что мне эта книга нужна, но я все никак не собираюсь зайти в магазин, а он поедет, купит и привезет мне. А вообще подарок может быть хоть за трикопейки, любой ненужной глупостью — главное, чтобы он был от души, с какой-то изюминкой.

У нас с мужем есть такой ритуал: он едет с работы в хорошем настроении, звонит мне и говорит: «на сегодня я объявляю праздник», сейчас еду в магазин — что тебе купить? А я отвечаю: «купи мне секрет». Это может быть просто кусочек конченой осетрины или красивая свечка, это не важно — главное, что я об этом не просила, а он привнес это с желанием меня порадовать.

Главное в подарке — это желание меня порадовать. Главное в подарке — это приятное, и по подарку ведь сразу видно, хотели его подарить или просто купили вещь, поскольку нельзя было этого не сделать.

— А как вы любите отдохнуть?

— Для отдыха мне нужно, чтобы была возможность плавать, и еще обязательно нужны книжки.

— То есть вам хватит бассейна с библиотекой?

— Абсолютно хватит. У нашей семьи никогда не было дачи, я вообще не приучена к жизни за городом и хорошо себя чувствую только в городской среде. Люблю гулять по нескольку часов в удобной обуви — до полного изнеможения. Когда мы едем с мужем отдохнуть в Альпы, он идет кататься на лыжах, я сижу, дышу горным воздухом и читаю. Потом он спускается, сейчас еду в магазин — что тебе купить? А я отвечаю: «купи мне секрет». Это может быть просто кусочек конченой осетрины или красивая свечка, это не важно — главное, что я об этом не просила, а он привнес это с желанием меня порадовать.

Главное в подарке — это желание меня порадовать. Главное в подарке — это приятное, и по подарку ведь сразу видно, хотели его подарить или просто купили вещь, поскольку нельзя было этого не сделать.

— А как лучше всего читается?

— В прошлую поездку мы взяли два тома из сборника «Проза новой России». Решили, что это правильный вы-

бор, потому что авторов было много — значит, и выбор большой.

Вот, например, «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса» Раскина очень помогла мне на лечении — во время тяжелых процедур я смеялась до слез вместе с медсестрой. Но лучше всего для меня подходят детективы — я люблю, чтобы на отдыхе читали было увлекательным.

Если бы Сидни Шелдон писал чаще и больше, то я бы в отпуск брала на четырнадцать дней четырнадцать книг Сидни Шелдона и читала бы только его. Пусть он стилист никакой, но он обладает даром так выстроить произведение, что от него оторваться невозможно.

А есть хорошие книги, которые можно читать, а потом закрыть и несколько дней не прикасаться — вот это в отпуске не подойдет.

Вообще кому-то на отдыхе удовлетворение приносит бегать и водку пить — и здоровье, если человек при этом отдохнет. Здесь ведь никаких универсальных рецептов нет — мы же такие разные...

Константин ФИЛАТОВ